

Я - ВОП
В ЗАКОНЕ

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР
В ЗАКОНЕ

СВИДЕТЕЛЕЙ
НЕ ОСТАВЛЯТЬ

МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

*Ранее книга выходила под названием
«Показательное преступление»*

Зверев, Сергей.

3-43 Свидетелей не оставлять / Сергей Зверев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Я — вор в законе).

ISBN 978-5-699-93769-1

Прошло немного времени, как заурядный бандит Глен поднялся на верхнюю ступень криминальной иерархии. Теперь для него нет авторитетов, он сам решает, кого мочить, а кого миловать. Жестокий беспредельщик, он наводит ужас как на противников, так и на своих приближенных. При этом он предельно осторожен, так что обезвредить его практически невозможно. Однако нашелся человек, готовый вступить с ним в смертельную схватку. И он уже стоит совсем рядом с главарем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93769-1

© Рясной И., 2017
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

Часть 1

КРЫСЯТНИК

Подобное могло происходить с кем угодно, но только не с ним. Все походило на страшный сон. Но от ночного кошмара проснешься в холодном поту и тут же поймешь, что все было не на самом деле, что никакой опасности нет. Тут же не проснуться, не забыть — все реально, и хоть вой, хоть бейся головой об пол — ничего не изменить.

Больше всего досаждал вибрирующий низкий звук. Глен знал, что это за звук и что он несет с собой. Об этом ему сообщили несколько минут назад. Он посчитал, что его брали на пушку. Если бы! Он слышал о подобном от старых ушных зэков, но представить не мог, что это может случиться с ним. За что? Почему?

Он даже не мог задать эти вопросы, потому что на губы был наклеен лейкопластырь, заменявший кляп, а на голову надет пропахший рыбой темный матерчатый колпак. Глен слышал, что такие когда-то надевали на приговоренных к смертной казни.

Грубые пальцы сорвали колпак. Глен увидел, что находится в сарае, пол которого усыпан стружками. В углу свалены канистры, всякий металлический скарб, старые лыжи и санки. Сквозь щели в стенах острыми клиньями пробивался свет заходящего солнца. В центре помещения стоял длинный столярный стол с циркулярной пилой, которая и служила источником царапающего по оголенным нервам звука.

Он почувствовал, что в нем странным образом соединились мечущийся в страхе заяц и бесстрашный зритель, со стороны наблюдающий за происходящим.

Тычком в спину Глена сбили с ног и наградили парой несильных ударов. Он попытался приподняться, но получил еще один тычок.

— Лежи тихо, сучонош, — прикрикнул один из трех мордovorотов. Если быть точным, мордovorотов было два. Один — длинный, как оглобля, с жилистыми руками и кистями, похожими на саперные лопатки. Второй — белобрысый толстяк, натуральный фриц из фильмов о войне. У него была одышка. Дыхание с присвистом изобличало в нем астматика со стажем. Третьего никак нельзя было отнести к категории мордovorотов. Невысокий, холеный, в стильном темном костюме и больших модных очках, он чем-то напоминал бухгалтера из популярного видеоклипа.

Заяц в душе Глена был готов ползать на брюхе и умолять о пощаде. Холодный же наблюдатель просто констатировал, что это бесполезно. Хоть целуй землю, хоть ругайся страшными словами — итог будет один: тот, который и задуман этими типами. «Здесь на милость не надейся — стиснуть зубы да терпеть», — выплыли откуда-то из глубин сознания слова полузабытой песни.

— Ну что, милейший, поговорим? — Голос у «бухгалтера» был низкий, хорошо поставленный, этот человек вполне мог бы работать диктором на радио или на телевидении.

«Фриц» рывком приподнял Глена и сорвал с его губ пластырь вместе с кусочками кожи. В уголке рта начала набухать капелька крови.

— Мужики, что вы от меня хотите? — еле ворочая языком, произнес Глен. Ему казалось, что это звучит не его, а чей-то чужой голос, пробивающийся к нему как бы через толщу стекла.

— Мужики в поле пашут, — буркнул «фриц», наградив Глена чувствительной оплеухой.

— За что вы меня так?

— На это, милейший, есть весьма веские причины.

— Я ничего не делал.

— Да? Ошибаешься! Человек не существует сам по

себе. Он шестеренка, связанная с другими людьми приводными ремнями долгов и обязательств, — улыбнулся змеиной улыбкой «бухгалтер». Похоже, он относился к трепачам, получающим удовольствие от самого факта сотрясения воздуха, каким бы бесполезным оно ни было. Глен всегда считал подобных типов никчемными болтунами, не способными ни на что. Вот только смущало, что двое верзил, похоже, были у «бухгалтера» на подхвате.

— Возможно, мы вам покажемся, Глен, несколько грубыми и даже жестокими людьми, но, поверьте, это не так. Все происходящее вызывает во мне лишь чувство сожаления.

— Пришьете? — Внутри у Глена все оборвалось.

— Что за жаргон! — искренне возмущился «бухгалтер». — Он коробит мой слух. Мы вас немного поучим. Для вашей же пользы.

— Козлов по жизни учить надо, — просипел «фриц» и вlepил Глену еще одну оплеуху, такую, что едва опять не опрокинул его на пол.

— Братки, может, договоримся? Я заплачу.

— Шутник.

— Вы что-то перепутали. Скажите хотя бы, о чем речь. Я же вас даже не знаю.

— Зато мы тебя знаем, падла! — «Фриц» опять занес руку.

— Не стоит. Мы же культурные люди. — «Бухгалтер» прищелкнул пальцами. — Давайте...

Глена схватили за руки. Щелк. Щелк. Браслет с одной руки пристегнут к штюрю на столярном столе.

— Пустите! — взвыл Глен. — А-а!

Мгновенно на его губах вновь оказался пластырь.

— Вы спрашиваете — за что? — «Бухгалтер» снял очки и в упор посмотрел на Глена. На его лице не было и тени агрессивности и куража — лишь насмешка. Он развлекался. — Нечестность — смертный грех. Не укради — знаете такую заповедь?

— Да брось ты метать бисер перед свиньей, — махнул рукой «фриц». — Таких на зоне топят в параше.

— Правильно, топят. — «Бухгалтер» сгреб лицо Глена в пятерню с такой силой, что у того брызнули слезы из глаз. — Ты, падаль, легко отделался. Я бы тебя с удовольствием замочил, петушина твоя душонка.

Вращающийся диск циркулярки, красные блики пробивающегося сквозь щели солнца... Красные пятна крови. Заглушенный лейкопластырем вопль.

Глен не потерял сознания. Странно, но он даже не зажмурил глаза. Он видел все. Видел, как острые зубья впиваются в его плоть. Как два срезанных будто бритвой пальца летят на заваленный стружками пол. Его пальцы!.. Глен любил свои холеные руки с длинными пальцами, ему нравилось трогать, гладить ими предметы. Или тело женщины. И вот теперь его пальцы, которые только что могли осязать, ощущать все вокруг, превратились в безобразные обрубки.

Мир, однако, не поблек для Глена, а наоборот — приобрел еще большую четкость. Боли не было. Все вокруг стало хрупким и хрустальным. Казалось, что любое движение или даже дуновение ветерка, вздох отзовется тонким хрустальным звоном.

Откуда-то из глубины возник смех. Глен захихикал.

— Сбрэндил, — сказал «фриц».

В предплечье Глена впиалась игла. Мир окутала вязкая тьма.

...Глен зло оттолкнул мать и, пошатываясь, прошел в комнату.

— Семен, где ты ходишь? Я волнуюсь... — Ее взгляд упал на руку сына. — Что с тобой, сынок? Что произошло?

Боль терзала тело Глена. Такая боль, которой он не испытывал никогда. Она растекалась от руки и проникала в каждый уголок его существа. И с ней ничего нельзя было сделать. Иногда она отступала, но лишь затем, чтобы наброситься с новой силой. Голова еще не прояснилась. Очнулся он ночью в гряде ящиков, наполненных какими-то очистками, кожурой апельсинов и бананов, сгнившими яблоками и киви. Он сообразил, что находится на территории небольшого стихийного рынка, днем оккупиро-

ванного кавказцами, а ныне безлюдного. В двух кварталах от своего дома. На руке была повязка. Похоже, в планы палачей не входило, чтобы жертва истекла кровью.

— Да расскажи же, что случилось! — не отставала мать.

— Не кудахтай! — гаркнул Глен. — Оставь меня в покое!

— Тебе нужен врач. Я вызову «Скорую».

— Вызывай что хочешь! Только отвали!

Мать привычно всхлипнула. Она всю жизнь плакала — по поводу и без повода, чем приводила Глена в бешенство. Она могла бы быть профессиональной плакальщицей и зарабатывать на этом большие деньги. Вряд ли кто еще умел напускать на себя такую безысходную скорбь.

— Сынуля, я ни в чем не виновата.

— Виновата!

— Я?

— Ты! — взорвался Глен и наподдал ногой столик. Стоявшая на нем хрустальная ваза упала на паркет, но не разбилась.

Глен зарылся лицом в диван, закусил зубами подушку.

Десять, двадцать минут... «Скорой» все не было. Мать съезжилась в кресле, зная по опыту, что к сыну лучше сейчас не лезть. По ее щекам катились слезы, она шептала едва слышно:

— Сынуля... За что же тебя так?

«Курица», — злился Глен. Крикнул:

— Где твоя «Скорая»?!

— Сейчас еще позвоню.

— Таблетку дай! Чтоб не болело!

— Сейчас, сынуля. Сейчас.

Она начала лихорадочно копаться в серванте. Аспирин. Сульфадиметоксин. Этазол... Все не то.

— Ничего найти не можешь!

Глен встал. Пол ходил ходуном, как при качке. Глен подошел к серванту и дернул верхний ящик. Тот не поддавался. Пришлось дернуть сильнее. На пол посыпались

какие-то тряпки, старые вещи. Под ноги упала белая парадная милицейская фуражка. Глен выругался, наступил на нее ногой и повернул, будто пытался вдавить ее в пол...

* * *

Таблетки молодости. Чудо-средство. Десятки килограммов сброшенного веса. Забытое ощущение легкости в теле. Свобода движений. И нет ненавистного живота, постоянной одышки... Эх, если бы так все и было — никаких денег не жалко. Но все вполне может оказаться очередной бесстыдной рекламной шумихой. Штуковина американская, а в Штатах это умеют — всучить навоз в яркой упаковке и убедить, что и не навоз это вовсе, а шоколадка. Может быть, с этими таблетками у себя они уже всех лохов охмурили и теперь двинули на наши бескрайние просторы. Но все же хочется поверить. Надо переговорить с Кузьминским, он отличный врач. Хотя он консерватор и не признает ни одного средства, не обкатанного и не заверенного десятками печатей... Может, кого в Москву послать, чтобы разузнали поподробнее насчет этого «эликсира жизни»? Все-таки хочется чуда...

Дубровник отодвинул от себя яркий рекламный проспект таблеток молодости. Все чаще и чаще в последнее время стали посещать его черные мысли. Где она, былая молодость, когда все было впереди, когда и в голову не приходило думать о здоровье, бегать по врачам, поглощать лекарства? Где она, когда, забыв про осторожность, всюду лезешь напролом, как медведь? Кстати, и за это качество Михаил Леонидович Дубровник получил кличку Медведь.

Дубровник был тучен, малоподвижен, но в нем ощущалась скрытая энергия и сила. Недавно он, к своему ужасу, увидел, что стал обладателем уже третьего подбородка. Он знал, что ему всегда было далеко до идеала мужской красоты. Даже слишком далеко. Но в том кругу, в котором ему приходилось вращаться, ценились не столько элегантность, обходительность, внешность киногероя,

сколько хитрость, воля, способность в один прием сбить с ног любого. Всеми этими качествами Медведь обладал. Мог гнуть железные прутья. Закваска у него была крепкая, от предков — деда-кузнеца и отца — здорового работяги с электролитного завода, который таскал на работе стопятидесятикилограммовые ящики с железными болванками. Смазливая внешность нужна дуракам, чтобы охмурять баб. Но Дубровник знал и то, что баб, как мед мух, притягивает запах силы, денег и власти — тут они теряют голову. Кого только не затаскивал он к себе в койку! Стюардесс, актрис, журналисток, самых дорогих московских валютных проституток, лепечущих на английском и немецком так же свободно, как и на русском. Ни одна не задерживалась у него больше месяца...

Его огорчало, что после мыслей о здоровье последнее время его все чаще и чаще стали посещать думы о смерти, о душе. Даже о замаливании грехов. Бывает, холод пробирает, когда задумается о прошлом. А еще страшнее при мыслях о будущем.

Прочь тоску! Ведь если взглянуть с другой стороны — только сейчас и настали времена, чтобы жить и не тужить. Скажи ему кто-то еще года два назад, какими деньгами он будет ворочать, с какими людьми здороваться за руку, — решил бы, что над ним издеваются. То, что происходило сегодня, порой казалось ирреальным, смахивало на абсурдистскую фантазмагорию. Открылись пещеры Али-Бабы, и те, кто пошустрее да понаглее, могли без особого труда запустить в его сокровища руку. Судьба расточала невероятные щедрости. Правда, порой приходилось платить за них кровью. Пока что чужой...

Дубровник тяжело поднялся с низкого кресла, обито-го мягкой синей кожей. Эта мебель обошлась ему в одиннадцать тысяч долларов, и привезли ее прямо из Москвы. Он не предполагал, что приобретение вещей окажется чрезвычайно увлекательным занятием. И очень дорогим. Вон принесли ершик для чистки унитаза. Сто пять долларов. Дороговато. Но вещь какая — загляденье. Да и вооб-

ше: десять тысяч долларов потратишь, тут же еще пятьдесят набегут. Жизнь пошла такая.

Дубровник посмотрел в окно. Строительство дома близилось к завершению. Он залюбовался: настоящее имение. Пришлось подкупить землицы у соседей, стоило недешево, зато теперь у него не жалкие шесть соток, а обнесенная высоким забором считай что усадьба. И дом солидный, на четырнадцать комнат, с подземным гаражом. И бассейн крытый будет во дворе. И теннисный корт. Да, теннисный корт. Смешно, но Дубровник активно начал приобщаться к этому виду спорта. Лелеял надежду расстриги немного вес. Кроме того, на этой почве можно было приобрести немало ценных знакомств. Спорт модный, вон, бывший президент его любил, ну и местные холуи, чтоб от Москвы не отстать, тоже приобщились, а теперь отвыкнуть не могут, потому как бренд раскрученный, и вокруг теннисных страстей продолжают тусоваться всякие серьезные люди. Правда, пока что Дубровник выглядел на корте, как бегемот на льду, но со временем он надеялся сбросить эти гадские лишние килограммы.

Как закончится строительство, надо разбить на участке цветники. Он обожал цветы, лес, вообще зелень. На одной из зон, которые он почтил своим присутствием, был хозяин (начальник колонии), который тоже обожал зеленые насаждения. Правда, бедолаге это увлечение вышло боком. Зэки, рады стараться, развели такие заросли — сердцу мило!.. А потом приехала комиссия из Москвы. Там мужики собрались тертые, сразу смекнули, что зэки понасеяли. А посадили они коноплю, и в зоне начали производить свою анашу... Когда, где это было? Тысячу лет назад? За миллионы миль? И с ним ли? Тюремная пайка, колючка, крики конвоиров. Жизнь, в которой приходилось ежедневно и ежечасно утверждаться, показывать, кто ты есть, доказывать, что имеешь право карать и миловать. Дубровник никогда не страдал излишним самомнением, считал его уделом дураков. Свои обязанности он выполнял вполне достойно. Никого просто так в

грязь не втаптывал, старался соблюдать правила, делать все по справедливости...

Он мечтал, что когда-нибудь разделается со всем и, поднакопив денег, умотает куда-нибудь за границу. В Германию, в Штаты, в Швейцарию — куда угодно, только подальше отсюда. Купит там тоже дом, пусть поменьше, чем этот. Разведет цветник, вступит в какой-нибудь местный клуб и будет проводить время в беседах за кружкой пива с местными бюргерами. И постарается как можно меньше вспоминать, что пришлось ему повидать на своем веку. Что заправлял делами в зонах и был воровским положенцем, поставленным на город, а совсем давно пару раз пришлось приводить в исполнение приговоры воровских правилок... И что в этот чертов теннис приходилось играть!

Он с трудом оторвался от мыслей и вроде бы только что вспомнил, что в комнате он не один.

— В «пятнашку» надо подбросить «зелени», — сказал Дубровник. — И попытаться найти подходы к тамошнему «хозяину». Что-то он слишком сурово все загнул. Если ничего не изменится, Клык обещал зону на бунт подбить.

— Он что, совсем умишком тронулся? — осведомился сидящий на диване элегантный Кот, правая рука Медведя. Они обсуждали насущные вопросы. — Это плохо кончится. Сейчас администрация не церемонится. Спецназ натравят, те народу передают сколько смогут. Нет, надо как-то ситуацию разводить.

Послышался шум мотора, скрип тормозов. Звук автомобильного двигателя всегда вызывал у Медведя неприятные ощущения. Он всю жизнь подсознательно ожидал того момента, когда приедут за ним: или уголовный розыск — за его свободой, или свои — с этими хуже, они удовлетворятся только его скальпом. Дубровник поглядел в окно.

— К нам? — спросил Кот.

— К нам.

— Кого черт принес?

— Глена. Только этого хлыща нам и не хватало...

Глен читал, что люди могут ощущать ампутированные части тела как живые. Он считал это враньем. Но сейчас жутко чесались и ныли два пальца на левой руке. Те самые пальцы, упавшие на пол после того, как по ним прошлась циркулярная пила.

Через несколько дней буря чувств, боли, обид перекипела. Ушли стыд, ярость, страх. Будто что-то шелкнуло в голове. Осталось лишь стремление отплатить тем же. Жгучее желание посмотреть, как корчится «бухгалтер», как умоляют о пощаде его подручные бугаи. И как такая же пила въедается в их тела, разделявая их на куски... Глен понимал, что такие мысли лучше гнать от себя... За те дела, которые всплыли, можно было и головой поплатиться. Нужно залечь на дно и обдумать, чем заняться дальше... Но это не для Глена. Пружина, которую он почувствовал в себе в тот момент, когда смотрел на свои отваливающиеся пальцы, толкала его к действию. И однажды утром он вылез из своей берлоги на белый свет.

«Копейке» («Жигулям» первой модели), которая досталась ему от отца, в этом году исполнялось восемнадцать лет. Но она до сих пор ездилась довольно резво. Наверное, потому, что стояла в гараже без движения все те годы, пока Глен отдыхал за казенный счет на различных северных «курортах». Вести автомобиль с перевязанной левой рукой было непросто, но Глен приспособился. Ехать нужно было через весь город. Чтобы избежать пробок, он выбрал объездной маршрут. Через сорок минут «Жигули» остановились перед массивными металлическими воротами с довольно уродливыми бронзовыми львами вместо дверных ручек. Глен выключил мотор и застыл, положив руки на приборную панель. Он вновь задумался о том, правильно ли поступает. Неизвестно еще, чем все кончится, если он начнет качать права... Нет, надо выяснить все до конца. Он вышел из машины и решительно звякнул металлическим кольцом, продетым через нос льва.

— Кто там ломится? — Голос принадлежал Червяку, старому прожженному урке, телохранителю и шоферу

Медведя. Червяк был чахоточен, тош, жиденская боро-денка придавала ему сходство с дьячком из заштатного сельского прихода. Глен не понимал, какой из него телохранитель, пока не услышал историю, как на воровской разборке Червяк пришел трех бугаев, которых никак нельзя было отнести к пай-мальчишкам. Финкой он владел виртуозно, и в случае необходимости она превращалась в его руках в оружие пострашнее пистолета.

— Открывай, это Глен. Я к Медведю. Я ему звонил.

— Что тебя несет на ночь глядя?

— Какая ночь? Вечера еще нет.

— Ладно, умник.

Глазок на воротах мигнул, скрипнула щеколда, слышались щелчки отпираемых замков, и тяжелая дверь в воротах отворилась.

— Проходи... Теперь стой. Шмонать буду.

— Тебе бы на зоне вертухаем быть. Такой талант пропадает.

— А что, — добродушно согласился Червяк, — я бы звок крепко в кулаке держал — не пикнули бы.

Червяк ощупал одежду Глена. Другой охранник, по кличке Сержант, стоял поодаль, положив руку на кобуру с пистолетом. Его бульдожья физиономия не оставляла сомнений, что он недолго будет думать, прежде чем пустить его в дело.

— Ну чего, нашел базуку? — насмешливо спросил Глен Червяка.

— Нет... Ладно, сейчас доложу хозяину. Он решит, принять тебя или послать. Я бы послал.

— Почему это?

— Да просто так, — пожал плечами Червяк. — От хо-рошего настроения.

Червяк пошел в дом. Глен прислонился к багажнику «Вольво ХС70» цвета синий металлик.

— Дай закурить, — попросил Сержант, по старой привычке падкий до халявы.

Глен протянул Сержанту пачку «Кэмел».

— Что с рукой? Какая-нибудь телка укусила?